

патриотизме не говорит сегодня только немой. А уж нашего брата-писателя хлебом не корми, а дай поразмыслить на темы исторических перипетий. Думаю, профессиональные историки не в восторге от такой нашей активности, когда вместо того, чтобы сеять разумное, доброе, вечное на поле художественной литературы, мы пасёмся на их профделянке. Но в душе каждого поэта-прозаика (о публицистах уж вовсе помолчу!) историк отнюдь не дремлет и дремать не собирается. А патриотизм — дело непростое и даже метафизическое. Кто-то считает последнего русского императора единственно возможным патриотом, клеймя при этом «зверя» Сталина. Другие патриоты, напротив, признают истинным патриотом именно Сталина, а Николая Второго считают слабаком на грани предательства... В общем, страсти кипят и пока, похоже, перекипать в некий хотя бы относительный эквивалент не собираются.

Что далеко ходить? Как-то, ещё живя в браке с поэтом Евгением Семичевым и по нашему тогдашнему утреннему обыкновению разговаривая вприхлёб за кофе о судьбах литературы и Отечества, мы тоже, как и полагается патриотам, заспорили на повышенных тонах о патриотизме. Не помню уж кто и что конкретно явился объектом наших разногласий. Но доселе памятна фраза,

которую выдал Семичев, разом прекратив спор и дав мне повод для размышлений. Спросил: «Емелька Пугачёв, по-твоему, патриот России и русского народа?» Я ответила: «Ну разумеется, он ведь фактически умер, желая сделать народ хоть чуточку счастливее». Тогда Семичев задал ещё вопрос: «А генералиссимус Суворов, по-твоему, патриот России?» «Ну разумеется, — ответила я. — Что опилки-то пилить?» «А вот тогда объясни мне, — прищурился Семичев, — почему один патриот другого патриота в железной клетке конвоирует на казнь? Вот когда ты мне это объяснишь, тогда и вернёмся к разговору!»

...И тут предо мной въяве-вживе в памяти встал огромный помпезный баннер, что я незадолго до этого увидела в Пестравском районе Самарской области, куда была приглашена на фестиваль. Баннер гордо вещал, что именно через село Мосты Пестравского района будущий генералиссимус Суворов этапировал Емельяна Пугачёва к месту казни в столицу. Помнится, я тогда была шокирована: «Нашли чем гордиться!» Но потом призадумалась: этапировал-то не абы кто, а сам Суворов! Кстати, чётко выверенная историческая наука советского периода и советские учебники по истории, весьма детально освещающая народные восстания, как-то тактично умалчивали, что народного заступника Емельяна (а именно так однозначно позиционировался во времена СССР Пугачёв!), грубо говоря, «повязал» такой уважаемый человек, как Суворов. Баннер вдруг открыл предо мной маленькую историческую деталь, которая заставляла по-новому взглянуть на прошлое России.

Собственно, раз уж речь зашла о Пугачёве и Суворове, надобно уточнить, что заслуга поимки Емельяна Ивановича Пугачёва принадлежала на 98 процентов Иоганну Иоганновичу Михельсону, русскому барону немецкого происхождения, талантливому военному деятелю. Но, видимо, премудрая немка-императрица Екатерина Великая учла, что пленение русского народного заступника немецким бароном да ещё в царствование императрицы-немки может стать тушением пожара керосином. И попросила всенародного любимца Суворова этапировать загнанного в угол Михельсоном Пугачёва. Премудрая была женщина наша царица! И думается, Суворов проделал эту не вполне однозначную для него, военного человека, работу отнюдь не за будущие монархии преференции. А потому, что понимал — так будет лучше для российской государственности. Думается также, что барон Михельсон также не был в восторге от того, что он выполнил главную часть работы, а пожинать плоды его трудов назначен Суворов. Но немец Михельсон был верноподданный русской царицы, которая впоследствии хорошо отблагодарила его, сделав генерал-губернатором одной из западных областей Российской Империи. Почему Емельяна Пугачёва этапировали через Пестравский район? А потому, что именно в этих местах, на берегах реки Иргис, в одном из старообрядческих скитов Емельян и был пленён. Самарские краеведы поговаривают, что Сергей Есенин, когда по примеру Пушкина заинтересовался личностью Емельки Пугача, планировал приехать в Пестравский район, чтобы воочию увидеть места пленения народного героя Емельки. Пушкин ездил по Пугачёвским местам в Оренбург и Уральск, а Есенин, видимо, хотел увидеть место, где была поставлена точка эпохального восстания.

Итак, почему патриот Суворов помог уничтожить патриота Пугачёва? А может, имеет смысл задать этот вопрос поэтам? Тому же Пушкину, который в данном случае одновременно является историком, глубоко изучавшим «пугачёвщину»: «Весь чёрный народ был за Пугачёва. Духовенство ему доброжелательствовало. Одно дворянство было на стороне правительства...». Или дать себе удовольствие процитировать гениальное стихотворение Юрия Кузнецова, осмысливающее пугачёвский феномен отнюдь не с земных позиций.

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

Не поминай про Стеньку Разина
И про Емельку Пугача.
На то дороженька заказана
И не поставлена свеча.
Была погодушка недоброю,
Ты наломал немало дров.
И намахался ты оглоблею
Посереди родных дворов.
Уж нет дворов — одни растения,
Как будто ты в краю чужом
Живёшь, и мерзость запустения
Разит невидимым козлом.
Куда ты дел мотор, орясина?
Аль снёс за четверть первача?
И всё поёшь про Стеньку Разина
И про Емельку Пугача.
Трудись, душа ты окаянная!
Чтобы когда-нибудь потом
Свеча горела поминальная
Во граде Китеже святом.

Окаянность и покаянность — вот аверс-реверс той медали, на которой начертано «Патриотизм». Ведь наша жизнь, и патриотизм в том числе, априори противоречивы и метафизичны. И именно в этой противоречивости кроется истина. Проиллюстрируюсь историческими примерами. Каждый час правления «любителя выпить» Уинстона Черчилля приближал Британию к величию. Но каждый час правления «любителя выпить» Бориса Ельцина приближал Россию к краху? То есть, и выпивать, и заниматься патриотизмом можно по-разному! Или вот ещё: находящаяся фактически в военной оккупации США Япония — одна из самых развитых, национально ориентированных и богатых стран мира. И это при полном отсутствии в Японии земли и природных ресурсов. А располагающая крепкой армией Россия при её неисчислимости природных ресурсов, которые не дают покоя всему «цивилизованному миру», пардон, отнюдь не процветает в материальном смысле...

Вот только не надо непатриотично говорить, что японцы трудяги, а русские совсем даже наоборот. Ничуть не ставя под вопрос трудолюбие японской нации, я тем не менее отнюдь не уверена, что ленивая многона-

циональная российская общность была бы способна не только худо-бедно обжить, но и столько лет удерживать огромную евразийскую территорию.

Долго размышляя над этим и подобными противоречиями, я пришла к выводу, что именно духовно-нравственное состояние элиты является первопричиной всего и вся в государстве. Страна начинает процветать не столько тогда, когда народ неустанно и особенно охотно трудится, ибо любой народ трудится постоянно. Чтобы выжить! Страна идёт на взлёт тогда, когда элита, управляющая государством, понимает свою ответственность перед страной и перед народом. Понятие чести для элиты отнюдь не абстракция! Ну, с японцами понятно. У них веками существовал обряд харакири (упаси Бог, не призываю наших элитариев ему следовать!), когда японский дворянин, дабы сохранить честь, просто обязан был совершить ритуальное самоубийство. Если помните недавний катаклизм в Японии, связанной с Фукусимой, аварией на атомной станции. Тогда премьер-министр Японии Наото Кан, понимая, что он не в состоянии контролировать ситуацию, просто подал в отставку. И это при том, что контроль в подобной ситуации природного катаклизма проблематичен в принципе. А много вы видели в новейшей России элитариев-управленцев, которые, поняв, что «не тянут», ушли бы с сытой должности сами? О какой я такой чести, если нынешним российским элитариям «параллельно», что их имена полощут в СМИ, а народ похохатывает над их персонами.

Россия была великой страной, с которой считались в мире именно в те эпохи, когда понятия чести в среде элиты были незыблемы. Настолько, что царь был даже вынужден запретить дуэли, поняв, что золотой кадровый резерв фактически во многом занят самоуничтожением. Запретить-то царь-батюшка дуэли запретил, но понятия чести упразднить было не в его власти. Просто дуэли стали тайными. Оба наши великих поэта — Пушкин и Лермонтов — стали фактически заложниками чести в дуэльном формате. Но по сути дуэль была приметой элитарности! Как сказал один дворянин купцу: «Я не могу оскорбить вас, потому что вы же даже не сможете потребовать сатисфакции через дуэль». То есть, элитарное право дуэли на купеческое сословие не распространялось.

В военное время в стволах Лепажа пули дремали куда чаще, ибо было не до выяснений меж собой: речь шла о судьбе Отечества! И в этой связи хочу вспомнить замечательное стихотворение Евгения Семичева, спор с которым, собственно, и вывел меня на эти размышления. Стихотворение о кодексе дворянской чести в условиях военного времени, написанное по реальным историческим событиям.

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

ПОД САЛТАНОВКОЙ, 1812 ГОД

Николай Раевский-старший
На французов в бой идёт.
Генерал — герой бесстрашный,
Сыновей на смерть ведёт.
Потому, что эти дети,
Шалуны и драчуны,

Путь к победе на рассвете
Указать для всех должны.
Взявши за руки обоих,
Роковой связал судьбой.
И ведёт по полю боя
Полк пехотный за собой.
Он зовёт: «Солдаты-братцы,
За детьми идите вслед.
Одному из них семнадцать,
А другому десять лет.
Эти юные герои,
Я ручаюсь головой,
Путь в бессмертие откроют
Вашей славе боевой...»
Шквал французской батареи
Всё сметает на пути.
Смерть над полем брани реет.
И к врагу не подойти.
Высоко в небесном храме,
Приклонившись к алтарю,
В ноги Господу, как знамя,
Стелют ангелы зарю.
И кричит Раевский-младший,
Окликая Божью рать:
«Дайте знамя! В рукопашной
Я умею умирать!»
И встаёт открытой грудью
На врага пехотный полк.
И бурлит под гул орудий
Заревой знамённый шёлк.
Генерал по полю брани
Сыновей на смерть ведёт.
Он картечью вражьей ранен,
Но из боя не уйдёт.
Потому, что эти дети,
Эти кровники войны,
Путь к победе на рассвете
Указать и нам должны.
...Эти юные герои
Под Салтановкой в бою
Вознесли над ратным строем
Славу звонкую свою.
На Руси лихие были
Забияки-барчуки,
Но Отечество любили
И водили в бой полки.

Когда солдаты не смогли подняться в бой на шквальный встречный огонь французов, генерал Раевский не стал орать из окопа: «Солдатушки-

братушки, подымитесь!», а сам встал и, взяв за руки сыновей, пошёл с ними фактически на смерть. Понятно, что воодушевлённые примером солдаты не смогли отсидеться в окопах и встали плечом к плечу с любимым генералом.

Показательна в контексте нашего разговора дальнейшая судьба «генеральских сыновей» — оба в той битве остались живы, словно хранимые свыше. Более известен Николай Раевский, тёзка отца, ставший видным государственным деятелем России и даже другом Пушкина. Судьба второго сына менее известна, но есть свидетельства, что он был связан с российским декабризмом-масонством, ставящим целью «зачистку» монархии в России. Но ничуть не сомневаюсь, что и он тоже, будучи декабристом, желал России блага... И уж, конечно-конечно, не вызывает сомнения, что оба сына генерала Раевского были патриотами России до глубины души.

Вот мы и возвращаемся к тому, с чего, собственно, и начали — почему два патриота порой оказываются по разные стороны баррикады, как Суворов и Пугачёв, как последний русский император и стальной генсек, как два брата Раевские... И если глянуть ещё глубже — почему любящие отца Каин и Авель становятся по разные стороны жизненного «барьера»? Ох уж эта метафизика бытия и патриотизма, которая так трагически проявится в России во времена Гражданской войны. Но это уже совсем другая (хотя другая ли?) история.